

Виктор Костюковский, «Новые Известия»

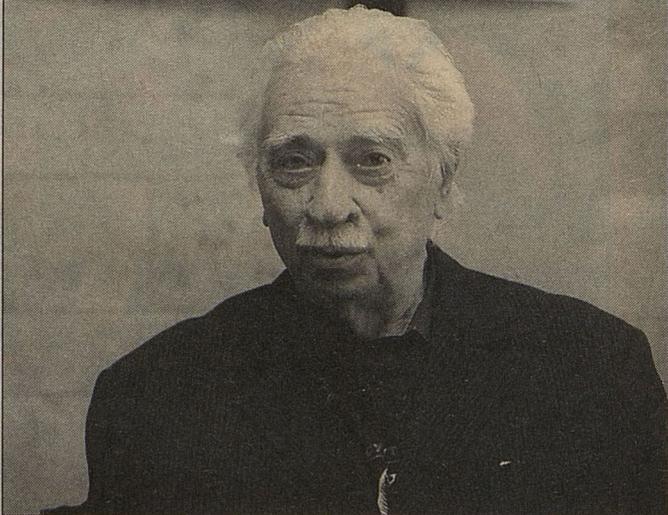
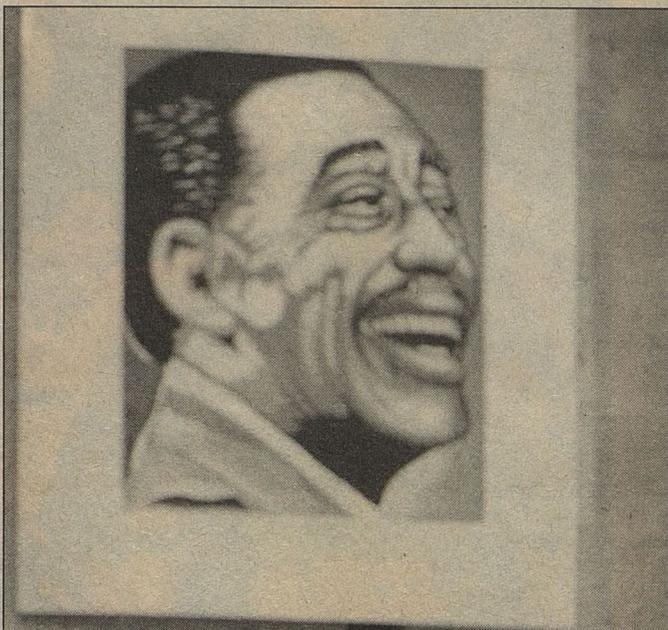
Секрет его молодости

Две трубы, тромбон, три саксофона – так 65 лет назад начинался бэнд Олега Лундстрема

Идет к концу год, отмеченный для всех, кто любит джазовую музыку, столетием со дня рождения Дюка Эллингтона. Кажется, все джазовые концерты и целые фестивалы были посвящены памяти гения джаза. И с этим же именем удивительным образом связана другая, уже чисто «наша» дата, отметить которую еще только предстоит в октябре. Дата просто потрясающая, достойная Книги рекордов Гиннеса: 65 лет исполняется Джаз-оркестру Олега Лундстрема. Понимаете, что получается: самый долгоживущий джаз-бэнд в мире вовсе не американский, а российский! Накануне этого события 83-летний маэстро привез в Санкт-Петербург свою «эллингтоновскую» программу.

– Дело в том, – рассказывает Олег Леонидович, – что для меня все с Эллингтоном и начиналось. Я жил тогда в Китае, в Харбине, и там впервые услышал на пластинках его вещи, такие, как «Добрый старый юг», «Настроение Индиго». У меня было много друзей-музыкантов, мой брат Игорь играл на саксофоне. Были духовики, куда более продвинутые, чем я, например, братья Серебряковы, которые играли в симфоническом оркестре. Я-то ведь начал поздно, только в 12 лет узнал, где находится нота «до». Но вот в 34-м, когда услышал Эллингтона, мне очень захотелось попробовать добиться хотя бы отдаленно такого же звучания. Вот мы с друзьями и пробовали. Мы не собирались становиться музыкантами, учились в политехническом институте, и нам казалось: закончим и займемся делом, а пока студенты – поиграем. Знаете, когда говорят, что я тогда создал оркестр, это неправильно, это была даже не моя идея. Вот так мы что-то пробовали, а потом, даже не помню кто, предложил: а что мы все от случая к случаю, давайте сделаем настоящий бэнд. Такой же, как был тогда у Эллингтона: две трубы, тромбон, три саксофона. Хорошо, а кто будет руководителем? И кто-то из ребят предложил: Олег. Я вздрогнул и удивился: почему я, далеко не самый опытный? Но вот – выбрали единогласно. И я потом всю жизнь старался, чтобы не переизбрали...

Эта программа построена просто замечательно. В начале ее на сцене сидит именно тот, «эллингтоновский» по составу оркестр, «три на три». И играет те самые вещи, которые 65 лет назад услышал на пластинках Лундстрем. И от произведения к произведению оркестр «растет» в полном соответствии с тем, как рос бэнд Эллингтона. И только во втором отделении уже подлинно «биг-бэнд» – большой оркестр – в полную мощь иг-

Эллингтону – 100, Лундстрему – 83.

рает современные, сложнейшие аранжировки стандартов великого мастера и его сподвижников: Билли Стрейхорна, Хуана Тизола и других.

– Ну вот, – продолжает Олег Леонидович, – начали мы в Харбине, продолжили в Шанхае, а потом, уже после войны, приехали в Советский Союз. Почти десять лет играли в Казани, а с 1956-го уже в Москве...

Перед концертом мне посчастливилось побывать и на репетиции. В свои годы Лундстрем – не просто имя, не просто «визитная карточка», как это бывало с иными лидерами. Он и сейчас действительно дирижер, руководитель оркестра, не упускающий ни одной детали, делающий точные, короткие замечания. И надо видеть, как он, седой, красивый, стильный, выходит – уже на концерт – на сцену. Он идет очень

медленно, под руку с пианистом Михаилом Окунем, в правой руке резная трость. Все-таки 83 года. И вот трость меняется на дирижерскую палочку, и все, нет никакого почтенного возраста, а есть энергия, молодость, движение. Лундстрем свингует! Причем мы, зрители, к сожалению, не видим главного, о чем мне рассказывали его музыканты, – его молодых глаз.

– Олег Леонидович, вам ведь трудно ездить, могли бы сидеть в Москве...

– Нет, ну что вы, как можно не сыграть эту программу в Питере? Это ведь джазовый город, и всегда он был таким. А сколько у нас ленинградцев играло – и Рома Кунсман, и Гена Гольштейн, и еще многие, многие... Я же слышу зал, здесь любят, понимают джаз.

Впрочем, что там Питер, в прошлом году Лундстрем с оркестром

ездил в США. У нас почему-то мало писали об этом: оркестр вызвал там, в Калифорнии, на международном джазовом фестивале, настоящий шок. Самодостаточные американцы просто-напросто не знали, что джаз есть и в России.

– Ну, они ведь как думали, – смеется Лундстрем, – Сталин, Хрущев, Брежнев терпеть не могли джаз, значит, его в России и быть не могло...

– Но ведь и в самом деле это было занятие не для слабонервных – играть в нашей стране джаз.

– Согласен, это было нелегко, но играл! И я, например, никогда не помышлял об эмиграции, я всегда, еще в Китае, знал, кто я – русский человек со шведской фамилией. Да, так вот американцев мы просто шокировали. Один корреспондент писал: мы самодовольно прозевали целую эпоху, джаз в России не только есть, но еще и оригинальный! Мы играли в Санта-Барбаре два концерта. Первый назывался «Эра свинга», это лучшие произведения начиная с Эллингтона, Арчи Шоу, Вуди Германа, и вплоть до Куинси Джонса. Мне рассказывали, шестидесятилетние люди плакали и говорили: это же надо было приехать русским, чтобы показать нам, какая у нас прекрасная музыка была в тридцатые годы! Понимаете, они этого давно не играют... Ну, а второй концерт назывался «Джаз по-русски». Меня, иностранца, в Америке признали человеком 1998 года.

Те сорок лет, которые жил бэнд Дюка Эллингтона, это ведь тоже уникально: столько оркестры не живут. А тут шестьдесят пять... И как через оркестр Дюка прошли десятки выдающихся музыкантов, так и оркестр Лундстрема выпустил чуть ли не всех лучших российских джазменов. А сейчас вместе с такими мэтрами, как Михаил Окунь, трубач Анатолий Васин, тромбонист Вадим Ахметгареев, бас-тромбонист Александр Коновалов, в оркестре играют просто мальчишки. Одному тенор-саксофонисту 17 лет.

– Олег Леонидович, тут не без секрета. Давайте, признавайтесь, в чем он?

– Секрет? – удивляется Лундстрем. – Вы о чем? Ах, о долголетии... Знаете, я никогда не задумывался об этом. Я ведь вообще, когда работал с оркестром, никогда не думал о результатах, мне нравился сам процесс работы. Может быть, дело и в этом. Потом сама эта музыка, она оказалась самой живой. И знаете, что еще? Вот надо было прожить по крайней мере 80 лет, чтобы самому понять: весь «секрет» – это любовь. Я просто все это люблю – жизнь, музыку, джаз, Эллингтона... Безумно люблю своих музыкантов, ведь это такие талантливые люди...

Санкт-Петербург.